

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-132-140>

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПЕРЕВОДЕ «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЖ. ГЛЭДА

Майя Отузбаевна Гичгелдиева

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, valshres@yahoo.com

Аннотация

Введение. Предпринят анализ метафор в лексической системе оригинального и переводного текстов.

Цель – проанализировать примеры эквивалентных переводов метафорических образов в «Колымских рассказах» на английский язык.

Материал и методы. Материалом исследования является метафорическая система «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова. Определен семантико-прагматический подход к рассмотрению метафор как актуальный для настоящего исследования. Рассмотрены типы метафор с учетом экстралингвистических факторов, которые повлияли на художественную картину мира автора.

Результаты и обсуждение. Сопоставительный аспект исследования метафорических образов позволяет увидеть вариативную специфику метафорических единиц.

Проанализированы подходы к изучению метафоры как явления языковой системы и элемента текстовой парадигмы. Рассмотрены классификации типов переводов, представленные в современной лингвистике, и обобщен опыт перевода метафорических образов.

Метафоры репрезентируют метафорическую картину мира, которая в свою очередь входит в языковую картину мира (в том числе художественную) автора текста. Изучение тропов способствует полному описанию идиостилия писателя. Обращение к оригинальным и переводным художественным текстам помогает выявлять актуальные смыслы, заложенные в метафорических образах автора, и исследовать возможности передачи их на другом языке.

Рассмотрены варианты переводов художественных произведений. Особое внимание обращено на типы переводов метафорических образов. Переводной текст «Колымских рассказов» включает широкий спектр способов эквивалентных переводов (по классификации В. Н. Комиссарова).

Изучены примеры наиболее точных переводов метафор, сохраняющих авторские интенции, семантику оригинального текста и, как следствие, содержательные типы образов, выявлены эквивалентные переводы. Вместе с этим изучены примеры неточных переводов, которые характеризуются потерей образных и эмоциональных созначений, описаны типы лингвистических ограничений и экстралингвистических факторов, которые повлияли на точность перевода.

Заключение. Большинство рассмотренных метафорических образов переведено точно. Неточные и эквивалентные переводы метафорических образов в «Колымских рассказах» возникают тогда, когда Джон Глэд не рассматривает тропы в призме особого объекта описания и идиостиля В. Т. Шаламова, не обращает внимания на актуальный смысл в силу различий в своей (как человека и как представителя иной культуры) и авторской картинах мира.

Ключевые слова: метафора, метафорические образы, художественный перевод, Колымские рассказы, шаламовская проза

Для цитирования: Гичгелдиева М. О. Особенности интерпретации метафорических образов в переводе «Колымских рассказов» на английский язык Дж. Глэда // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 132–140. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-132-140>

Original article

FEATURES OF INTERPRETATION OF METAPHORIC IMAGES IN THE TRANSLATION OF “THE KOLYMA TALES” BY JOHN GLAD

Maya O. Gichgeldiyeva

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, valshres@yahoo.com

Abstract

Introduction. The analysis of metaphors in the lexical system of the original and translated texts is carried out.

The aim of the work is analyze examples of equivalent translations of metaphorical images in “Kolyma Tales” into English.

© М. О. Гичгелдиева, 2022

Material and methods. The material of the study was metaphors The Kolyma Tales by V. T. Shalamov. The article defines a semantic-pragmatic approach to the consideration of metaphors as relevant for research. Types of metaphors are considered taking into account extra-linguistic factors that influenced the work of the author.

Results and discussion. The comparative aspect of considering metaphorical images allows to see the variable specificity of metaphorical units.

The approaches to the research of metaphor as a phenomenon of the language system. Classifications of the types of translated text presented in Russian linguistics are considered. The experience of translating metaphorical images is generalized.

Metaphors represent a metaphorical picture of the world, which in turn is included in the linguistic picture of the world (including the artistic). Researching the image contributes to a complete description of the writer's idiosyncrasy. Turning to original and translated literary texts helps to identify the actual meanings inherent in the author's metaphorical images and to explore the possibilities of translated text in another language.

The paper considers options for translating works of artistic text. Particular attention is paid to the types of translations of metaphorical images. The translated text of the Kolyma Stories includes a wide range of methods of equivalent translations (according to the classification of V. N. Komissarov).

The examples of the most research translations of metaphors that preserve the author's intention, the lexical semantics of the original text and as a result the meaningful types of images are considered, equivalent translations identified. At the same time, examples of inaccurate translations, which are characterized by the loss of figurative and emotional connotations, are studied, the types of linguistic restrictions and extralinguistic factors that influenced the accuracy of the translation are described.

Conclusion. Most of the considered metaphorical images are translated accurately. Inaccurate and equivalent translations of metaphorical images in "Kolyma Tales" arise when John Glad does not consider the images in the prism of a special object of description and idiosyncrasy of V. T. Shalamov due to differences in his own (as a person and as a representative of another culture) and the author's pictures of the world.

Keywords: *metaphor, metaphorical images, literary translation, Kolyma Tales, prose by Shalamov*

For citation: Gichgeldiyeva M. O. Osobennosti interpretatsii metaforicheskikh obrazov v perevode "Kolymskikh rasskazov" na angliyskiy yazyk Dzh. Gleda [Features of Interpretation of Metaphoric Images in the Translation of "The Kolyma Tales" by John Glad]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 132–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-132-140>

Введение

В отечественной и зарубежной науке художественные произведения В. Т. Шаламова активно изучаются в литературоведческом ключе (Н. Голден, В. В. Есипов, И. В. Лукин, Е. Ю. Михайлик, Л. То-кер и другие). Актуальным является рассмотрение творчества писателя также с лингвистической точки зрения (Е. Ю. Белова, М. С. Степанов, Ф. Вар-лало и другие). Изучение метафор в рассказах В. Т. Шаламова с учетом экстралингвистических факторов, повлиявших на его творчество, позволит выстроить систему метафорических образов, мотивировав их использование в одних и тех же контекстах, и выявить концептуальные метафоры.

Основываясь на антропоцентрическом подходе, проанализированы особенности передачи метафорических образов в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова на английский язык (в переводе Джона Глэда).

В настоящем исследовании обращаем внимание на позицию номинатора-интерпретатора, поскольку важна авторская интенция и выбор языковых средств в создании образов. Сопоставительное исследование помогает выявить актуальные смыслы в индивидуально-авторских метафорах, характеризующих идиостиль писателя.

В работе обращаемся к переводоведению как науке, которая изучает взаимодействие одной культуры с другой внутри художественного производного текста, сопоставляем фрагменты картин мира автора и переводчика.

Трудности перевода художественного текста с одного языка на другой нередко связаны с интерпретацией метафорических образов. Исследование различных ограничений, с которыми сталкивается Дж. Глэд при переводе сборника рассказов, и путей их преодоления говорит о сильном влиянии экстралингвистических факторов на тексты В. Т. Шаламова и мощном интерпретационном потенциале авторских метафор.

Материал и методы

Произведения В. Т. Шаламова (сборники рассказов, в особенности «Колымские рассказы») переведены на большое количество языков: английский, немецкий, итальянский, испанский, чешский, каталанский и другие. В работе мы сфокусировали взгляд на перевод рассказов на английский язык.

В качестве материала для исследования используется третий опубликованный сборник переводов рассказов В. Т. Шаламова, вышедший в 1994 г. [1]. Джон Глэд несколько раз предпринимал попытку

перевести художественную прозу В. Т. Шаламова (первая состоялась в 1980 г. [2], вторая – в 1991 [3]).

Обращение к англоязычным переводам рассказов В. Т. Шаламова позволяет углубить представление о нюансах метафорических образов и выявить концептуальные метафоры в художественном дискурсе автора.

Сопоставительный анализ метафор в оригинальном и переводном текстах позволяет установить актуальные смыслы в художественных образах, а используемый семемный анализ и анализ контекстуальных «партнеров» помогает их систематизировать, определить сильные образы, вокруг которых строятся остальные.

Ранее были исследованы метафорические образы в поэтических текстах В. Т. Шаламова [4, с. 7–12].

Изучение метафор в произведениях В. Т. Шаламова помогает решить проблему описания языковой личности писателя и выявить актуальные фрагменты его художественной картины мира.

Результаты и обсуждение

В переводоведении существует несколько подходов к изучению текста. В. Н. Комиссаров полагает, что «переводческая деятельность означает не только взаимодействие двух языков, но и контакт между двумя культурами» [5, с. 70–71]. С точки зрения литературоведения художественный перевод – это еще и «одна из форм литературных связей разных народов» [6, с. 37], которые являются «частью мирового литературного процесса» [6, с. 37]. То есть, с одной стороны, существует общий мировой процесс, связывающий литературу и людей, с другой – при переводе художественных произведений открывается уникальность культур и языков. В работе «Современное переводоведение», говоря о межязыковой коммуникации, исследователь выделяет несколько подходов к определению понятия «эквивалентность»:

1. Минимальная близость оригинального и переводного текстов (эквивалентность достигается на уровне цели коммуникации). На наш взгляд, в художественных текстах может идти речь не о цели коммуникации как таковой, а об авторской интенции писателя (авторской установке).

2. Второй тип эквивалентности, при котором сохраняется цель коммуникации и в переводном тексте описывается та же ситуация, что и в оригинале.

3. Перевод, который включает и цель коммуникации, и указание на ситуацию, и способ ее описания.

4. Группа переводов, где наряду с целью коммуникации, указанием ситуации, способа ее описания сохраняется часть значения синтаксических структур текста-оригинала.

5. Группа переводов, в которых близость к оригиналу будет наибольшей благодаря стремлению переводчика более полно воспроизвести значения источника с помощью дословного перевода [7, с. 117–137].

Отметим также, что при рассмотрении переведенного текста с одного языка на другой необходимо учитывать смысловую сочетаемость слов: семантическое согласование слов в синтагматическом ряду (по В. Г. Гаку) зависит от их лексических значений, а возможность или невозможность соединения слов в синтагму определяется наличием или отсутствием у них общей семы – синтагмемы:

1. Закон семантического согласования – в значении слов есть одна общая сема (синтагмаема), которая выступает как формальное средство организации высказывания на семантическом уровне [8, с. 284].

2. Закон семантического несогласования, согласно которому общая сема в одном из членов синтагмы может быть опущена, что возможно только «в случае устойчивых предметных отношений» [8, с. 284].

3. Закон семантического рассогласования, при котором в пределах синтагмы есть несовместимые с точки зрения реальных предметных отношений компоненты [8, с. 285].

В современной лингвистике существует несколько подходов к понятию «метафора». Мы исходим из определения метафоры, принадлежащего Н. Д. Арутюновой: «Метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [9, с. 29].

Нами рассматриваются не только метафоры, но и сравнения, ведь, как точно отметила М. И. Черемисина, «сравнение генетически связано с метафорой, однако сравнение – это синтаксическое явление, а метафора – лексико-семантическое» [10].

Говоря о передаче образной составляющей текста, Е. Д. Боева и Е. А. Кулькина указывают, что «степень и возможность переводимости метафоры напрямую зависят от культурного опыта переводчика, от семантических ассоциаций, присущих метафоре, от ее возможности быть воспроизведенной в языке-реципиенте без изменения структуры» [11, с. 41].

Декодирование метафорических образов осуществляется с помощью соотнесения высказывания с определенной схемой, принятой и узнаваемой в данном обществе: «Понимание скрытого смысла высказывания в тексте осуществляется по ментальным рецептивным схемам языкового со-

знания социума» [12, с. 46]. Отметим, что метафора имеет зашифрованный характер, она нуждается в дешифровке, разгадке [13, с. 7], а при переводе метафоры с одного языка на другой на этот процесс наслаивается еще один – зашифровка на языке перевода.

Сложность перевода художественного текста с одного языка на другой нередко связана с интерпретацией метафорических образов. В. Н. Телия рассматривает метафору с позиции формирования языковой картины мира и говорит о важности роли субъекта (номинатора-интерпретатора) при порождении метафоры, а также о его номинативно-прагматической интенции [14, с. 173–204]. Это наблюдение крайне важно при переводе метафоры в художественном тексте, когда авторская картина мира передается с помощью другого языка.

В теории перевода существует «закон сохранения метафоры», согласно которому слова, составляющие троп, должны сочетаться не только в переносном, но и в прямом значении друг с другом [15].

В речи (и прежде всего в художественной речи) метафора «участвует в создании индивидуально-авторского видения мира» [14, с. 5]: важнейшими оказываются те смыслы, которые реализуются в метафорической системе В. Т. Шаламова, используемой в описании агрессивной для человека колымской природы.

Обратившись к особенностям перевода метафор в рассказах В. Т. Шаламова, мы учитываем следующие трудности: 1) отсутствие объекта метафорической номинации в англоязычной среде (например, слово «лагерь» со значением «для политических заключенных»); 2) отсутствие лексико-семантических параллелей в английском и русском языках, что соотносится обычно с несовпадением внутренней формы переносного значения (например, в русском языке слово «зубья» имеет семантику *деталь механизма или инструмента, обычно заостренная*. В английском языке аналогом слова «зубья» является слово-полисемант «teeth», которое в своих значениях соотносится не только с *деталью механизма*, но и с *зубами человека или животного*).

Перед тем как приступить к рассмотрению способов перевода метафор на английский язык, необходимо сказать о специфике шаламовской прозы, в которой автор активно использует метафору.

В прозу В. Т. Шаламова вошел его собственный страшный опыт пребывания в так называемых исправительно-трудовых лагерях. Автор сам ежедневно переживал постоянный холод, голод, побои и издевательства конвоиров, что нашло отражение в его художественном дискурсе и мотивирует метафорические образы в его рассказах.

Очень точно об это написал Е. А. Шкловский: «Страшный колымский опыт, состоявший из многократных смертей и воскресений, из безмерных мук от голода и холода, из безмерных унижений, превращающих человека в животное, – вот что легло в основу шаламовской прозы, которую он назвал новой» [16, с. 25].

В мировой истории XX в. не существовало другого подобного явления, которое было обыденным и легитимизированным в Советском Союзе, как «исправительно-трудовой лагерь». Ни в одной другой стране заключенных не отправляли выживать в таких суровых условиях, как Крайний Север. Данный исторический пласт в культуре других стран попросту отсутствует, поэтому переводчикам текстов В. Т. Шаламова зачастую может быть объективно сложно в расшифровке как метафор, так и других художественных тропов.

Стоит отметить, что при переводе Дж. Глэд показал заключенного в суровых условиях, точно воспроизвел ситуацию и ее атрибуты, способы ее описания, а также (по возможности) синтаксические структуры текста-оригинала. С одной стороны, он стремится наиболее полно и практически точно передать метафорические образы с помощью дословного перевода, с другой – у него не всегда это получается.

Приступим к исследованию способов перевода шаламовских метафор на английский язык.

1. Сначала обратим внимание на примеры **наиболее точных переводов метафор** (пятый тип эквивалентности по В. Н. Комиссарову):

В рассказе В. Шаламова «Сухим пайком» читаем:

Огромные обнаженные корни их (лиственниц. – М. Г.) похожи на когти исполинской хищной птицы, вцепившейся в камень.

Trees in the north die lying down – like people. Their enormous bared roots look like the claws of a monstrous predatory bird that has seized on to a rock [1, с. 53].

В данном случае точнее говорить не о метафоре, а о распространенном сравнении, которое вводится при помощи лексического средства – прилагательного *похожи*: метафора и сравнение, как мы говорили ранее, генетически сближаются (сравнение – синтаксическое явление, а метафора – лексико-семантическое).

Образ «огромных когтей» лиственниц в этом же рассказе далее представлен подробно, развернуто:

От этих гигантских когтей (лиственниц) вниз, к вечной мерзлоте, тянулись тысячи мелких щупалец, беловатых отростков, покрытых коричневой теплой корой. Каждое лето мерзлота чуть-чуть отступала, и в каждый вершок оттаявшей земли немедленно вонзалось и укреплялось там

тончайшими волосками **щупальце – корень**. Лиственницы достигали **зрелости** в триста лет, медленно поднимая свое **тяжелое, мощное тело** на своих **слабых, распланных** вдоль по каменистой земле **корнях**. Сильная буря **легко** валила **слабые на ногах деревья**. Лиственницы падали **навзничь, головами** в одну сторону, и **умирали**, лежа на мягком толстом слое мха – ярко-зеленом и ярко-розовом.

В данном тексте происходит одновременная актуализация растительно-животной темы (*когти, щупальца, щупальце – корень*) и темы человека, который погибает на крайнем Севере (*зрелость, тяжелое, мощное тело, ноги, падали навзничь, головы*). Образ лиственницы, которая сначала благодаря зооморфной метафоре предстает хищником (*когти, щупальца*), усложняется антропоморфной метафорой. Согласно теории концептуальной метафоры, процесс метафоризации базируется на взаимодействии между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени [17].

В рассматриваемом фрагменте рассказа сферой-источником является *лиственница*, а в сфере-мишени находится антропоморфная метафора (здесь представлен образ человека, а точнее – заключенного в лагере). Авторский замысел состоит в представлении жизни человека в лагере посредством многослойных художественных тропов, которые разворачиваются друг за другом – фито- и зоометафор: сильные люди постепенно погибали в лагере, как гибнут лиственницы в вечной мерзлоте.

Приведем перевод данного отрывка на английский язык:

Downward from these gigantic claws to the permafrost stretch thousands of tiny tentacles, whitish shoots covered with warm brown bark. Each summer the permafrost retreats a little and each inch of thawed soil is immediately pierced by a root shoot that digs in with its fine tendrils. The first reach maturity in three hundred years, slowly hoisting their heavy, powerful bodies on these weak roots scattered flat over the stony soil. A strong wind easily topples these trees that stand on such frail feet. The trees fall on their backs, their heads pointed away from their feet, and die lying on a soft, thick layer of moss that is either bright green or crimson [1, с. 53].

Мы видим, что метафоры переведены практически дословно. Образ хищного животного передается словами *claws* (когти), *tentacles* (щупальца); антропоморфная метафора строится на основе следующих единиц: *heavy, powerful bodies* (тяжелое, мощное тело), *the first reach maturity* (достижение зрелости), *stand on such frail feet* (стоят на таких хрупких ногах), *their heads* (их головы), *die lying* (умирают лежа).

В следующем примере мы видим, что жизнь в лагере, а именно взаимодействие уже не системы и человека, а взаимодействие заключенных друг с другом (сфера-мишень), может интерпретироваться с помощью музыкального образа (сфера-источник):

Окружающие игроков зрители терпеливо ждали конца традиционной увертюры.

The viewers surrounding the players patiently waited for the end of this traditional overture [1, с. 21].

В метафорическом образе и оригинального, и переводного текстов сохраняется сема «нового», «предварительного», «предвосхищающего».

2. Обратим внимание на группу эквивалентных переводов, где **частично сохраняется семантика синтаксических структур текста-оригинала** (четвертый тип эквивалентности по В. Н. Комиссарову).

С точки зрения сферы-мишени такие переводы продемонстрированы в образе-представлении лагерного устройства, где сферой-источником является механизм (машина), а механистическая метафора – это результат процесса:

Одному было легче, вдвое, втрое, вчетверо легче проскочить сквозь зубья машины [о лагерной системе – чтобы заключенного не отправляли в тайгу валить деревья или на золотой прииск].

It was two, three, four times easier for him to slip alone through the teeth of this machine [1, с. 167].

В английском языке слово «teeth» обозначает и орган человека, и часть механического предмета, а графической разницы в написании слова нет (в отличие от русского языка (*зубья – зубы*)), метафорический образ в переводе не сохраняет различие лексических значений (в русском языке формы множественного числа не совпадают по значению, в данном случае суффикс -j- является словообразующим – семантика собирательности и метафорический перенос разводят в русском языке слова *зубья* и *зубы*).

3. Следующий пример перевода включает сохранение замысла автора и способа описания (третий тип эквивалентности по В. Н. Комиссарову), однако в фитообразе рассказа «Тифозный карантин» при переводе подобраны лексемы, включающие лишь некоторые элементы исходного образа:

Большинство [людей] лежало навзничь или ничком <...> и их тела на массивных нарах казались наростами, горбами дерева, выгнувшейся доской.

Most of the men lay on their backs, and their bodies seemed like growths or bumps in the wood, like bent boards in the enormous shelves [1, с. 159].

В английском языке слово «bumps» обозначает опухоль, шишку, выпуклость. Переводчик поставил в один лексический ряд «наросты», «горбы»,

но не учел тот факт, что в исходном метафорическом образе актуализируется не только сема «неровности поверхности», но и сема «статичности, скованности и неподвижности», а также важная, существенная коннотация для автора – физиологическое нездоровье человека (*горб*), дерева (*на-рост*), что частично соответствует опухоли (пример с кожей как черепаховым панцирем это также демонстрирует).

В картине мира В. Т. Шаламова тело заключенного неотделимо от лагеря, оно «...пребывает на грани бестелесности, безжизненности. На протяжении своего короткого существования ээк вынужден расстаться со всем, что делало его личностью... Тело становится его единственным достоянием» [18, с. 341].

В этом же предложении в переводе при утрате творительного уподобления угасает актуальный смысл: персонажи рассказа больше не являются атрибутами нар (*их тела ... казались наростами, горбами дерева, выгнувшейся доской*), вместо этого мы читаем *like bent boards in the enormous shelves* (их тела казались наростами или горбами на дереве, как гнутые доски на огромных полках).

Два этих примера показывают, что предложение представляет собой эквивалентный перевод с потерей определенных коннотативных смыслов.

Рассмотрим сходный пример, в котором при переводе метафорического (антропоморфного) образа отражены не все семы; кроме того, произошло соединение двух синтаксических единиц в одну:

Шоссе было похоже на канат, которым тащили море к небу. Тащили горы-бурлаки, согнув спину.

The mountains resembled barge haulers with bent backs [*Горы напоминали бурлаков со согбенными спинами*].

Описываемый метафорический образ *гор-бурлаков* имеет семантику движения – они *тащат канат*. Лексеме *горы* такая семантика не присуща, но присуща *бурлакам* (семантическое рассогласование по В. Г. Гаку), однако отметим слова *шоссе* и *тащили*, включающие семантику передвижения. Джон Глэд полностью игнорирует предложение *Шоссе было похоже на канат, которым тащили море к небу* и не переводит его, поэтому при переводе у столь яркого образа *горы-бурлаки* утрачивается семантика интенсивного, мощного, трудоемкого движения, которая заключена в глаголе-олицетворении *тащили*. При переводе семантика метафорического образа *гор-бурлаков* почти сохранена полностью, но структура английского языка адаптирует структуру метафоры, переводя ее в синонимическую конструкцию с использованием уподобления *напоминают*. Возможно, именно семантическое рассогласование словосочетания *та-*

щили горы-бурлаки не дало переводчику почувствовать и передать метафорический образ.

Обратимся к еще одному примеру перевода метафорического образа, в котором актуализированы не все семы. Перед нами физиологическая метафора с заменой синтаксической структуры предложения:

Лагерное кровообращение, где эритроциты – живые люди, было нарушено.

There had been a break down in the camp's blood circulation system, whose erythrocytes were living people.

В оригинальном тексте метафорическое существительное *кровообращение* является подлежащим, в переводе же (при сохранении пассивного залога (*нарушено и had been*)) это обстоятельство места, что говорит о деактуализации объекта пассивной структуры предложения. Таким образом, метафорическое значение не сохраняется: в оригинальном тексте *живые люди – это часть лагерного кровообращения*, то есть заключенные не мыслятся вне системы лагеря. При переводе же *лагерь* служит не более чем локацией (*in the camp's*). При этом теряется полнота метафорического образа *живых людей – эритроцитов лагерного кровообращения*. В переводе не вычитывается этот сложный метафорический образ, который предстает теперь в усеченном виде: *живые люди – это эритроциты кровообращения*.

4. Теперь обратим внимание на пример **неполного перевода**, который, с одной стороны, характеризуется близостью оригинального и производного текстов, с другой – в нем не сохраняется авторский замысел.

Данный перевод выполнен с использованием слов с другим семным составом (Дж. Глэд использует смежные синонимы). В рассказе «Тифозный карантин» главный герой попадает в санчасть:

Расчесы на коже зажили гораздо раньше, чем другие раны Андреева. Исчезал понемногу черепаховый панцирь, в который превратилась на прииске человеческая кожа; ярко-розовые кончики отмороженных пальцев потемнели: тончайшая кожа, покрывавшая их после того, как лопнул пузырь отморожения, чуть заглубела. И даже – самое главное – кисть левой руки разогнулась. За полтора года работы на прииске обе кисти рук согнулись по толщине черенка лопаты или кайла и заостенели, как казалось Андрееву, навсегда <...> Но ничего, кроме злобы, не было в его душе. Раны его души не были так легко залечены. Они никогда не были залечены.

Обратим внимание на перевод части предложения «Исчезал понемногу **черепаховый панцирь**, в который превратилась на прииске человеческая кожа»:

Little by little, the turtle-shell armor into which his skin had been transformed disappeared [1, с. 164].

“Armor” – 1) вооружение; доспехи; латы; панцирь; 2) броня (корабля, танка и т. п.); 3) бронесилы; 4) скафандр (водолаза); 5) зоол., бот. панцирь; 6) броневой, бронированный [19, с. 61].

Это пример использования слова с другим семным составом, но схожим смыслом в рамках данного контекста. Главный герой рассказа «Тифозный карантин» в переводе приобретает качества, которыми автор никаким образом не мог его наделить, а именно воинственность, умение защититься, дать отпор.

В очерке «Что я видел и понял в лагере» В. Т. Шаламов говорит о том, что заметил на Колыме: «Чрезвычайную хрупкость человеческой культуры, цивилизации. Человек становился зверем через три недели – при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях» [20]. «Человек – животное» – это тезис, который подтверждается зооморфным образом черепахового панциря. Ситуация, описанная в рассказе, демонстрирует как возможность начала физического восстановления заключенного, так и одновременную невозможность излечения его душевных ран, о чем нам прямо говорит автор: «Раны его души не были так легко залечены. Они никогда не были залечены». Актуальный смысл лексемы *панцирь* – ‘утрата человечности, человеческого облика’. *Панцирем* «обрастают» все заключенные без исключения, и, переводя этот метафорический образ словом *armor*, Дж. Глэд не смог передать данный смысл. Перед нами пример неточного (неудачного) перевода метафоры с одновременным упущением одной коннотации и добавлением другой.

То, что Дж. Глэд выбрал не совсем адекватное авторскому замыслу слово *armor*, говорит о том, что переводчик не увидел ближайший контекст и не смог понять объект метафоризации (*разрушение, трансформация человеческого тела*). На наш взгляд, ему следовало в метафорическом образе

использовать не слово *armor*, а слово *shell* (оболочка, панцирь), которое в большей мере соотносится с авторской установкой В. Т. Шаламова.

Заключение

Индивидуально-авторская картина мира формируется номинатором-интерпретатором в том числе на основе создаваемых им метафорических образов в совокупности с номинативно-прагматической интенцией. Сложность интерпретации этого тропа состоит в том, что метафора сама нуждается в расшифровке, а при переводе наряду с разворачиванием этого образа необходимо его «упаковать», используя ментальные схемы другого социума.

При переводе Джону Глэду удалось довольно точно передать многие метафорические образы В. Т. Шаламова, несмотря на различия в картинах мира автора и переводчика. Так, в «Колымских рассказах» метафоры преобразуются в образы со сходной семантикой: образ «шоссе, похожее на канат, которым с согнутыми спинами горы-бурлаки тащили к небу море» превращается образ «гор, которые напоминают бурлаков со сгорбленными спинами».

Отметим, что выявленные и классифицированные примеры эквивалентных переводов метафорических образов появляются по разным причинам:

1) переводчик из-за несовпадения своей и авторской картины мира не может до конца «разгадать» метафорический образ, поэтому переводной текст одновременно теряет исходные и приобретает новые коннотации (*панцирь* – *armor*);

2) при переводе метафоры не был учтен широкий контекст, а также не принята во внимание важная для рассказов В. Т. Шаламова концептуальная метафора человеческого тела как изувеченного, неправильного и больного (*горб* – *bumps*);

3) в отдельных случаях полному переводу препятствует закон семантического рассогласования в словосочетании (*тащили горы-бурлаки* – *the mountains resembled barge haulers*).

Список литературы

1. The Kolyma Tales / trans. John Glad. New York: Penguin Books, 1994. 220 p.
2. The Kolyma Tales / trans. John Glad. New York: W. S. Norton Company, 1980. 196 p.
3. The Kolyma Tales / Graphite. trans. John Glad. Harmondsworth: Penguin, 1991. 222 p.
4. Гичгелдиева М. О. Метафора в поэтическом дискурсе В. Т. Шаламова // Первые научные штудии: сб. науч. тр. Вып. 4. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 7–12.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: уч. пос. М.: ЭТС, 2004. С. 70–71.
6. Боцьева Ф. А. Теория художественного перевода // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Вып. 69. СПб, 2008. С. 35–38.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 1999. 192 с.
8. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
9. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. Прогресс, 1990. 157 с.

10. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции в русском языке. Новосибирск, 1985. С. 233.
11. Боева Е. Д., Кулькина Е. А. Способы перевода метафоры в художественном тексте // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. №4 (34): в 3-х ч. Ч. 3. С. 41–44.
12. Стернин И. А. Метод аппликации ментальных схем в выявлении скрытого смысла высказывания // Текст. Дискурс. Картина мира. Вып. 8. Воронеж: Истоки, 2012. С. 38–48.
13. Успенский Б. А. Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М.: Commonplace, 2018. 288 с.
14. Телия В. Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. 216 с.
15. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
16. Шкловский Е. А. Варлам Шаламов. М.: Знание, 1991. 64 с.
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
18. Юргенсон Л. Кожа – метафора текста в лагерной прозе Варлама Шаламова // Тело в русской культуре: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 399 с.
19. English-russian dictionary by Prof. V. K. Muller. Moscow, 1963. P. 61.
20. Что я видел и понял в лагере. URL <https://shalamov.ru/library/29/> (дата обращения 07.03.2021).

References

1. *The Kolyma Tales*. Trans. John Glad. New York, Penguin Books Publ., 1994. 220 p.
2. *The Kolyma Tales*. Trans. John Glad. New York, W. S. Norton Company Publ., 1980. 196 p.
3. *The Kolyma Tales*. Graphite. trans. John Glad. Harmondsworth, Penguin Publ., 1991. 222 p.
4. Gichgeldiyeva M. O. Metafora v poeticheskom diskurse V. T. Shalamova [Metaphor in the poetic discourse of V. T. Shalamova]. In: *Pervye nauchnye shtudii: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 4* [First scientific studies: collection of scientific papers. Issue 4]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2014. Pp. 7–12 (in Russian).
5. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye: uchebnoye posobiye* [Modern translation studies: textbook]. Moscow, ETS Publ., 2004. Pp. 70–71 (in Russian).
6. Botsiyeva F. A. Teoriya khudozhestvennogo perevoda [Theory of literary translation]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University of Humanities and Sciences*, 2008, no. 69, 2008. Pp. 35–38 (in Russian).
7. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye. Kurs lektsiy* [Modern translation studies. Lecture course]. Moscow, ETS Publ., 1999. 192 p. (in Russian).
8. Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul’tury” Publ., 1998. 768 p. (in Russian).
9. Arutyunova N. D. Metafora [Metaphor]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar’* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Progress Publ., 1990. 157 p. (in Russian).
10. Cheremisina M. I. *Sravnitel’nye konstruksii v russkom yazyke* [Comparative constructions in the Russian language]. Novosibirsk, 1985. Pp. 233 (in Russian).
11. Boeva E. D., Kul’kina E. A. Sposoby perevoda metafory v khudozhestvennom tekste [Ways of translating metaphors in literary text]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2014, no. 4 (34), pp. 41–44 (in Russian).
12. Sternin I. A. Metod aplikatsii mental’nykh skhem v vyyavlenii skrytogo smysla vyskazyvaniya [Method of application of mental schemes in identifying the hidden meaning of the statement]. In: *Tekst. Diskurs. Kartina mira. Vyp. 8* [Text. Discourse. Picture of the world. Issue 8]. Voronezh, Istoki Publ., 2012. Pp. 38–48 (in Russian).
13. Uspenskiy B. A. Issledovaniya po russkoy literature, fol’kloru i mifologii [Research on Russian literature, folklore and mythology]. Moscow, Commonplace Publ., 2018. 288 p. (in Russian).
14. Teliya V. N. Metafora i eye rol’ v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphor and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol’ chelovecheskogo faktora v yazyke* [The role of the human factor in language]. Moscow, 1988. 216 p. (in Russian).
15. Gal’perin I. R. *Tekst kak ob’ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 144 p. (in Russian).
16. Shklovskiy E. A. *Varlam Shalamov* [Varlam Shalamov]. Moscow, Znaniye Publ., 1991. 64 p. (in Russian).
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1980. 242 p.
18. Yurgenson L. Kozha – metafora teksta v lagernoy proze Varlama Shalamova [Skin – a metaphor of the text in the camp prose of Varlam Shalamov]. In: *Telo v russkoy kul’ture. Sbornik statey* [Body in Russian culture. Digest of articles]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2005. 399 p. (in Russian).
19. Muller V. K. *English-Russian Dictionary*. Moscow, 1963. P. 61.

20. *Chto ya videl i ponyal v lagere* [What I saw and understood in the camp] (in Russian). URL <https://shalamov.ru/library/29/> (accessed 7 March 2021).

Информация об авторах

М. О. Гичгелдиева, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126).

Information about the authors

M. O. Gichgeldiyeva, postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).

Статья поступила в редакцию 21.04.2021; принята к публикации 20.12.2021

The article was submitted 21.04.2021; accepted for publication 20.12.2021